

МНОГОГРАННОСТЬ

ТАЛАНТА

Сегодня —
Международный
день театра

На сцене он напомнил мне беркута. В царском кресле, нахохлившись, полный внутреннего огня, сидел хан Тамерлан, вонзая в окружающих стрелы своего гнева. От голоса его, точно от погубив кривой сабли, было неуютно даже далеко от сцены — в зале. В эти минуты как-то не решаешься думать об актере — в царском шатре сидит тот, кто погубил тысячи невинных душ, кто из останков убитых воинов, стариков и детей строил гробницы, насыпал мрачные курганы — памятники жестокости.

В Таджикском Академическом театре драмы имени Абулькасима Лахути шел спектакль «Легенда о матери» (сценическая композиция по мотивам рассказов М. Горького Мухамеджана Касимова), в котором играл Хашим Гадоев. И в зале тогда не узнали актера, хорошо известного по многим другим спектаклям. На сцене видели только Тамерлана.

В этом спектакле актер, исполнявший роль палача, пропустил ответную фразу. Случай в театре довольно редкий. Актер буквально терял дар речи, так стра-

искусствоведы из ГДР — профессор Альфред Курелла и Соня Курелла. Высказывая свои впечатления о спектакле, они особенно отметили выразительную игру Хашима. Игру, пронизанную шиллеровским пафосом. «В этом молодом актере театр имеет прекрасную смену, безусловно талантливого актера с большим будущим. Это он в постановке определяет спектакль, налагает на него печать своего таланта. Хотелось бы видеть Хашима Гадоева в пьесах Шекспира и в первую очередь исполняющего роль Ромео или Гамлета. Это слова Альфреда Куреллы, записанные репортером пять лет назад. А немного позже туристы из Франции горячими аплодисментами одобрили исполнение Хашимом роли Фердинанда Маркандала в «Мачехе» Оноре де Бальзака, заверяя, что у них на родине не часто можно увидеть такое исполнение.

Одна из любимых ролей Хашима Гадоева — роль Сухроба в трагедии Гани Абдулло «Рустам и Сухроб» (по мотивам эпоса Абулькасима Фирдоуси «Шахнаме»). Природная обаятельность

ских фильмов. Предложили, может быть, не столько вследствие его незаурядных актерских способностей (на эту роль уже пробовались многие талантливые актеры не только в Советском Союзе сколько из-за особенного склада его таланта, его особенного подхода к актерским задачам.

Принявший участие в конкурсе должен был без репетиции сыграть сцену «на mine». Хашим перед пробой пропустил пятнадцать минут отсрочки. Затем спокойно покинул зал, а затворив за собой дверь, внезапно бросился вниз по лестнице. Через минуту его скорые шаги послышались опять на этом же этаже, потом ниже. А позже на улице раздался свисток милиционера, который пытался остановить юншу, мчавшегося по проезжей части. Несколько раз взвизгнули тормоза «Волг» прежде, чем Хашим в том же темпе поднялся по лестнице. И опять вверх-вниз, а потом вдруг, резко рванув дверь, он застыл «на mine». И в белых лучах «опинтеров» все увидели солдата, пораженного роковым звуком взведенного спуска мины. Виновато и с надеждой он обратил свое лицо к товарищам, которые, осознав трагедию происшедшего, медленно отступали от страшного места, молча оставляя смертника, которому завтра предстояло сыграть свадьбу.

Его снимали крупным планом, и когда одинокая слеза покатила по лицу, смешиваясь с каплями пота, режиссер что-то крикнул восторженно, а оператор, приняв это за команду, остановил камеру. Впрочем, эпизод был уже отснят.

Через несколько дней стало известно, что конкурс закончился, победил в нем Хашим Гадоев, и только причины от него не зависящие помешали ему сниматься в этом фильме.

Вскоре после института получил направление в Ленинабадский музыкально-драматический театр имени А. С. Пушкина. Опыт, накопленный за годы учебы, и природная способность видеть предметы и явления жизни во взаимосвязи, умение осмысливать факты глобально помогли Хашиму. Спектакли получились интересными по режиссуре, — с приемами смелыми, оригинальными.

С успехом закончив в 1965 году высшие режиссерские курсы в Москве (педагоги Николай Охлопков и Владимир Дудин), он вернулся в свой театр и поставил «Маленькие трагедии» Пушкина. Несмотря на исключительную трудность драматургического материала, Хашим Гадоев сумел создать спектакль, который по словам режиссера Вениамина Ланге, стал «настоящим праздником таджикского драматического искусства».

Пушкинские вечера в театре имели необыкновенный успех у публики.

— Прежде, чем приступить к работе над текстом, я стараюсь себе представить героя зрительно. Часто характер человека накладывает отпечаток на его внешность. Отсюда будут рождаться и определенные интонации в голосе героя, его особенное произношение, и часто — высшее поведение. Отсюда в дальнейшем будут и поиски мизансцен и прочее.

Это один из важнейших принципов работы Хашима и как актера, и как режиссера. Природа наделила его еще одним талантом — талантом ваятеля. За годы работы в театре он сделал десятки скульптур. Каждая из них с тонкой разработкой психологической характеристики. Гарталья — первый скульптурный образ, созданный Хашимом еще в дни подготовки роли Гартальи в выпускном спектакле «Король-олень». Скульптура царя Афросияба, над ролью которого в спектакле «Безан и Манижа» (пьеса драматурга Хамзы Фатхи Хушгиноби по мотивам «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси) работал в последнее время Хашим Гадоев, завершает эту своеобразную портретную галерею. Заканчивается на этом и рассказ об актере, многогранный талант которого отмечен званием заслуженного артиста Таджикской ССР.

О. КАМИНЕЦКИЙ.

НА СНИМКЕ: Х. Гадоев в роли Сухроба.

Фото М. РОЙЗМАНА.

шен был в этот момент Тамерлан. Игра Хашима Гадоева ассоциировалась с самозабвенностью лета беркута, когда, сложив крылья, он несется навстречу победе, а, может быть, смерти. Ясно только, что от своей цели беркут уже не отступит.

Но не только актерский талант, очевидно и природная склонность к добру, обаяние в повседневной жизни помогли Хашиму к концу спектакля преобразить Тимура — тридцать лет прожившего без улыбки — в человека, осязающего, что нет на свете ничего сильнее, чем человек и его любовь. Сама жестокость — он склоняется к ногам матери и повелевает отыскать ее сына. Во взоре Тамерлана блистала страсть незаурядной природы, парадоксально сочетающей ненависть и доброту.

Хашима Гадоева, как актера, привлекают образы трагедийного, сложного плана. Не будь боязни умалить его актерское дарование, можно было бы сказать, что именно это и есть его амплуа. И именно в таких ролях он производит наибольшее впечатление. Кстати, вспоминается еще один спектакль — раннего периода, когда Хашим был еще актером Ленинабадского музыкально-драматического театра имени Пушкина — «Африканская любовь» Проспера Мери. Во время сцены, когда Хаджи Нугман (Хашим Гадоев), убив своего друга и рабыню, заносит кинжал, чтобы вонзить его себе в грудь, в зале поднялся шум. Женщины бросились к рампе, со слезами умоляя не губить хотя бы себя. Не знаю, возможно, строгим судьям показалось бы такая сцена далеко не достойной похвалы (пускай даже в адрес публики), но там, в зале, невозможно было сыскать равнодушного человека.

Возвращаясь к мысли о том, что Хашиму Гадоеву нельзя определить какое-то амплуа, хочется сказать, что он уже сыграл главные роли, роли героев разных по складу характера, в 15 спектаклях театра.

На одном из представлений спектакля «Коварство и любовь», в котором Хашим исполнял роль Фердинанда, были

Хашима, строгая и изящная внешность, выразительность — помогают создавать образ неповторимой прелести.

Однажды я заметил на ладонях актера ссадины и мозоли. На вопрос об этом Хашим совершенно серьезно сказал:

— Это не мои руки, — это руки Сухроба.

Приняв слова за шутку, я больше ни о чем ни спрашивал. Но позже узнал, что Хашим, устроив дома помост, каждый день упражнялся в поднятии тяжестей. Соседи даже начали интересоваться, не бросил ли он театр. Штанга, гири, эспандер — стали для Хашима предметом «первой необходимости». Сухроб должен быть сильным не только по духу, не только в представлении.

А несколько месяцев спустя стало известно, что Хашим Гадоев победил в трудном конкурсе на роль Сухроба в киноэпопее о Рустаме и Сухробе, к съемкам которой на студии «Таджикфильм» приступил режиссер Борис Киягаров.

Такая удивительная требовательность к себе, стремление охватить сферу большую, чем та, которая непосредственно соприкасается с актерской задачей, отличали Хашима Гадоева чуть ли не с первых месяцев учебы в ГИТИСе, где он занимался у замечательных мастеров сцены, профессоров Ольги Пыжовой и Бориса Бибикова. Будучи студентом актерского отделения, Хашим перечитал массу литературы по режиссуре. И не только потому, что этого требовала учебная программа, — к режиссуре у него было особенное отношение. Зачастую ему удавалось подправить или заново поставить какой-нибудь программный этюд, и это у него выходило естественно, профессионально. Глубокую преданность режиссуре хранит он с того памятного дня, когда еще на третьем курсе ему довелось прочувствовать и как актеру, и как режиссеру неповторимость сложной психологической драматургии, которую нельзя передать только силой актерского мастерства.

Тогда ему предложили попытать счастья в международном конкурсе на роль молодого солдата в одном из итальян-

КОММУНИСТЫ ТАДЖИКИСТАНА
Г. ДУШАНБЕ

27 MAR 1970